
С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.65

ПОКОЛЕНИЕ Z: РАСКОЛ ТРАДИЦИЙ ИЛИ ПЕРЕКОДИРОВКА КУЛЬТУРЫ

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾, Ж. М. ГРИЩЕНКО¹⁾, Т. В. ЩЕЛКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

В центре исследовательского внимания – современное поколение студентов. Рассматриваются актуальные тенденции в студенческой среде; выдвигается гипотеза о расколе внутри поколения Z и отчуждении солидной его части от традиционной нормативной ценностной модели. Обсуждаются методико-процедурные проблемы современной социологии и усиление ее чувствительности к замеру смыслов, которые современная молодежь вкладывает в свою интерпретацию базовых ценностей.

Ключевые слова: поколение Z; социально-исторический контекст; тотальная аномия; тотальная деморализация; внутр поколенческий раскол; традиционная нормативно-ценностная модель; чувствительность инструментария; означаемое и означающее; смыслы; код культуры.

Образец цитирования:

Данилов А. Н., Грищенко Ж. М., Щелкова Т. В. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 109–118.

For citation:

Danilov A. N., Grishchenko Z. M., Scholkova T. V. Generation of Z: split of traditions or code conversion of culture. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 109–118 (in Russ.).

Авторы:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.
Жанна Михайловна Грищенко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.
Татьяна Викторовна Щелкова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Alexander Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
a.danilov@tut.by
Zhanna Grishchenko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.
zhanna0607@mail.ru
Tatiana Scholkova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social science.

GENERATION OF Z: SPLIT OF TRADITIONS OR CODE CONVERSION OF CULTURE.

A. N. DANILOV^a, Z. M. GRISHCENKO^a, T. V. SCHOLKOVA^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Corresponding author: zhanna0607@mail.ru

In the center of research attention – modern generation of students. Actual tendencies in the student's environment are considered and the hypothesis of split in generation of Z and alienation of its solid part from traditional standard valuable model is made. In parallel it is about metodiko-procedural problems of modern sociology and strengthening of its sensitivity to measurement of sense which are put by modern youth in the interpretation of basic values.

Key words: the generation of Z; a total anomy; total demoralization; intra generational split; traditional standard and valuable model; sensitivity of tools meant and meaning meanings; a culture code.

Проблема ценностного мира молодежи всегда относилась к мейнстриму социологической исследовательской теории и практики. На эту тему написаны десятки книг, научных статей, массовым тиражом представлена популярная литература. Квинтэссенцией большинства из них является вполне оптимистичный вывод о том, что современная отечественная молодежь остается в рамках традиционной нормативной системы и по-прежнему разделяет основные базовые ценности. И тем не менее, входя сегодня в студенческую аудиторию (особенно если временные рамки твоей педагогической практики располагают к сравнению), улавливаешь главное: как отличается современный студент от своих предшественников, сидящих на этих же скамьях 20 и даже 10 лет назад! Даже на визуальном уровне!

Не так выглядит! Нынешний – экипирован по полной программе с вариациями не только модных в нынешнем сезоне бандан или серьгой в ухе, но и модификациями различных гаджетов – от мобильного до планшета.

Не так смотрит! Оторвавшись по случаю от виртуального мира, глядит на тебя как-то отчужденно, даже с опаской, как на инопланетянина, который спустился в этот вполне осязаемый телесный мир непосредственного общения.

Не так слушает! Это и понятно! Зачем утруждать себя вниманием к затянувшемуся монологу преподавателя, когда можно нажать кнопку и получить из интернета молниеносный ответ на любой вопрос?

И главное: что понимает? И понимает ли вообще что-нибудь из того, что ты пытаешься ему донести в ходе лекции? Чем живет? Что ценит? О чем мечтает? Куда идет? Одним словом, ловишь себя на мысли о том, что классические строки А. С. Пушкина: «Здравствуй, племя, младое, незнакомое!» сегодня звучат с особым, пронзительным чувством искренности и озабоченности.

Поколение, родившееся на рубеже веков (конец 1990-х гг.), американцы У. Штрау и Н. Хоув назвали поколением **Z**, или **Homeland Generation**, **Homelanders**, что означает лишь то, что это дети цифровых

технологий, сидящие дома за компьютером – закономерным продуктом глобализации и постмодернизма. Генерация миллениума, для которых передовые технологии стали увлекательным настоящим, а не заманчивым будущим, как для их родителей.

Анализируя специфику этого **поколенческого архетипа**, основанного на факте локализации его представителей в рамках единого (общего) исторического временного контекста, исследователи (в том числе и отечественные) обнаруживают целый ряд вполне оптимистичных прогнозных сценариев его развития. В частности, в своих выводах о том, что подавляющее большинство представителей поколения Z в профессиональном отношении будут более научно ориентированными на инженерно-технологическую проблематику, биомедицину, робототехнологии, а также – вследствие своей внутренней концентрированности – на искусство, будут вести здоровый образ жизни, иметь выраженные кулинарные способности, обладать мастеритостью, отличаться от своих родителей большей экономией и бережливостью [1].

Перспективы вполне радужные! Но вправе ли мы сегодня переносить эти сценарные прогнозы технологической загруженности американской молодежи на отечественную? Ведь очевидно, что в нашем случае совместное переживание исторического трансформационного этапа как фактор **поколенческой идентификации** не исчерпывается, к сожалению, инновационной технологической составляющей! Сопутствующий ей исторический контекст в отечественных реалиях наполнен куда более драматическими событиями, вкуче с которыми проблема сетевого виртуального позиционирования современного постсоветского поколения могла породить принципиально иную **производную**. В сравнении с ней проблемы фронтальной компьютеризации нашей жизни и ее последствий могут перейти в разряд вполне периферийных.

Ведь речь идет о тех, кто сегодня сидит в студенческой аудитории. Им от 17 до 22 лет. Процесс их социализации и в средней школе, и в учреждении

высшего образования разворачивался на почве **тотальной аномии** в обществе.

Последовавший за крушением великой страны системный кризис всех сфер жизни, чему в немалой степени способствовала деидеологизация общества, привел к **аномической деморализации** целого поколения, взросление которого совпало с периодом отсутствия нормативно-ценностных ориентиров в условиях вакуума идеалов, целей, смыслов существования. Попробуйте ради эксперимента поинтересоваться жизненными идеалами, культивируемыми современным студенчеством. За исключением крайне редких фактов (10 из 100) наличия таких примеров для подражания в облике ближайших родственников (чаще – мама или бабушка, реже – отец), большинство опрошенных достаточно категоричны в своем негативном ответе: «Идеалов нет и быть не может!»

Сегодня мы, можно сказать, задним числом хорошо понимаем, как наивно было ожидать серьезного **компенсационного эффекта** социализации молодого поколения в обстоятельствах **системной аномичности** социума со стороны семьи, члены которой (в первую очередь родители) пребывали в режиме спонтанного самовывживания и добывания средств к существованию. Поколение родителей современной молодежи в подавляющем большинстве физически не способно было уделять детям должного внимания. Те же из них, кому удалось перейти в разряд состоятельных и достойно обеспечить свои семьи, компенсировали недостаток повседневного внимания к своему потомству финансовыми излишествами, что загоняло детей в зону риска **испытанием роскошью**. Эта дифференциация внутри студенчества по критерию материального благополучия их семей нарушила привычную **гомогенность** целого поколения, став причиной **ценностной конфликтности** не только внутри поколений (между группами молодежи), но и между поколениями (родителями и детьми). И можно поспорить, где эти морально-нравственные издержки эпохи миллениума оказались наиболее весомыми с точки зрения деморализации целого поколения: для тех, кто гордился своими преуспевающими родителями, сам будучи загнанным в режим **испытания сытостью**, или для тех, кто бедствовал, искренне сострадав (в лучшем варианте) своим родителям-неудачникам.

Более того, нельзя забывать и о том, что сложившаяся ситуация, отягощенная в значительной степени резким ослаблением роли не только семьи, но и других традиционных институтов социализации молодежи, также приняла характер **тотальной обреченности**. Взять, к примеру, современное образование, которое пребывает в режиме **перманентного реформирования** с выраженным акцентом на **коммерциализацию**, искажившую или даже поло-

мавшую все привычные алгоритмы качественного обучения и воспитания подрастающего поколения. И сегодня уже никого не смущает признание 2/3 студенческой группы в том, что они пришли сюда за дипломом, а не за профессией и тем более не за знаниями!

Нельзя сбрасывать со счетов и тот немаловажный факт, что формирование поколения Z в нашем отечественном опыте происходило на фоне взлетов и падений общественных настроений, переживших за обозначенный временной интервал эйфорию свободы и независимости с ее демократической риторикой, плавно перешедшей в разочарование либерально-демократической моделью и лозунгами мультикультурализма и глобализма, неудачный сценарий развития которых поставил массы перед необходимостью переосмысления сущности самой демократии как светлого будущего человечества. С учетом **методологической** принципиальности включения **социального контекста** в исследование жизненного мира человека, тем более его ценностей, мы не можем абстрагироваться от него настолько, чтобы сфокусироваться исключительно на эффекте компьютеризации и уходе в виртуальный мир. Хотя и это – наш вполне очевидный социальный контекст глобализирующегося миропорядка.

Взрослеющее молодое поколение соотечественников, в свою очередь, не могло не испытать на себе **отчуждения** от взрослого мира, идеалы которого еще совсем недавно казались полным **анахронизмом**, а затем трансформировались в **сомнения**, **скепсис** и откровенный **цинизм**, подпитываемый ностальгическими настроениями родителей о старых добрых временах и переоценкой ценностей.

Поэтому не исключено, что уход в виртуальный мир в нашем случае был оправдан не столько интересом к технологическим инновациям, сколько отчуждением от неприглядности современного взрослого мира, аномическая системность которого не предложила никаких более или менее выраженных ориентиров и смысловых акцентуализаций. А если и предложила (власть денег, индивидуализм и прагматизм жизненных ориентаций), то, надо признать, нечто очень далекое от содержания той **традиционной нормативно-ценностной модели**, по параметрам которой мы до сих пор измеряем внутренний духовный мир молодежи. При этом наше эмпирически выверенное и теоретически обоснованное упорство в выводах о приверженности современной молодежи базовым ценностям предшествующей эпохи выглядит, по правде говоря, странным, особенно на фоне нынешнего **социального контекста** [2, с. 133].

В связи с этим остается лишь удивляться той таинственной силе, которая оказалась способной в столь драматических обстоятельствах отечественных трансформаций удержать генерацию Z

в рамках традиционной модели базовых ценностей. Вот с этого резюмирующе театрального «не верю!» и следует сегодня конструировать концепцию исследовательского поиска и анализа ценностного мира студенческой молодежи.

В любом случае интерпретация **проблемной ситуации**, связанной с ценностным миром поколения Z, может быть смещена в направлении ее **онтологического** прочтения как противоречия между признанной преемственностью (по крайней мере, на вербальном уровне) традиционной модели базовых ценностей и вероятностью наполнения ее глубоко внутренними личностными **смыслами**, лежащими далеко за порогом гомогенности с межпоколенческими традициями. Иными словами, исходным для построения концепции исследования является **противоречие** между **означаемым** (заданным волей исследователя) и **означающим** (смыслом) для поколения Z. В случае если вновь выдвинутые научные доводы окажутся вполне обоснованными, прогнозный сценарий дальнейшей трансформации культивируемых поколением Z ценностей должен фокусироваться на определении меры (качественно-количественной) их **векторных отклонений**, вплоть до фиксации **пограничного** рубежа **перекодировки** культуры нации. С учетом закономерностей нелинейного развития социальных систем такая формулировка задач исследований кажется нам не только логичной, но и целесообразной.

Это хорошо известно философии и психологии противоречие между **формально означаемым** и **личностно означающим** [3] в социологии уходит в сферу феноменологии и анализа повседневности через рефлексии обыденных практик, где означающее (смысл) выводится из сознания субъекта и ему же приписывается конструирование самой социальной реальности [4]. Таким образом, концепту «смысл» придается **активное созидющее** начало в жизнетворчестве. Неслучайно Дж. Александер, отмечая важность использования смысла в контексте исследований социальной реальности, в частности культуры, видит в этом новый радикальный методологический поворот социологического познания мира, связанный с необходимостью переключения внимания к смыслам не с точки зрения их зависимости от социальных обстоятельств, а с позиции их роли как активной созидательной силы, формирующей эти обстоятельства [5, с. 92–93].

По этой же причине, включая категорию «смысл» в парадигму социологии жизни, Ж. Т. Тощенко видит ее **инструментальную** и **концептуальную** ценность в «обозначении некой итоговой, ключевой сущности происходящих изменений социальной реальности, глубинном содержании бытия, что предполагает выявление главного, определяющего в жизни человека на основе интерпретации полу-

ченных в процессе социологического исследования данных» [6, с. 153].

Социологическая эмпирическая параметризация смыслов повседневности может оказаться настолько содержательно **отчужденной** от базовой традиционной модели ценностей, что утверждение о ее безусловной **преемственности** для современной генерации миллениума покажется сродни **лицемерию** или **научной мимикрии**, сознательно вуалирующей истинное положение вещей. В основе этой целенаправленной мимикрии лежит, как правило, стереотипизация сознания, т. е. идеологическая загруженность прежних лет, дающая о себе знать до настоящего момента, особенно в исследовательской практике представителей советского поколения, а также боязнь радикальных прогнозных сценариев наших отечественных «фундаментальных» трансформаций, непродуманность характера которых имеет далеко не оптимистичные реальные последствия.

Основным аргументом **«заторможенности»** социологии в обозначенном направлении выступает факт крайней **нечувствительности** социологического инструментария к замеру смыслов, что отмечают многие авторитетные социологи, в том числе отечественные [5, с. 65]. Попытки **аппликации** проблемы ценностей современного студенчества на эмпирическое поле их параметризации наталкиваются на целый ряд методических и процедурных трудностей. Главная из них – **реактивность** социологического инструментария.

Сегодня в любом учебнике по социологии прописаны все основные алгоритмы нивелировки реактивности инструментария: начиная с формулировок вопросов и определенной последовательности перечня ценностей (в случае, например, со шкалой-меню) до филигранных тонкостей триангуляции, позволяющей сочетать количественные и качественные подходы даже в рамках одного метода (внутриметодная триангуляция).

Гораздо реже обращают внимание на подбор самого ценностного ряда, который, как правило, продиктован **стереотипами сознания** исследователей. Тем более если они воспитаны и находятся в культурной парадигме традиционных базовых ценностей. Поставленный перед необходимостью конкретного ответа (выбора, ранжирования по приоритетам и т. п.) респондент в облике студента осуществит стоящую перед ним задачу достаточно легко, хорошо понимая, чего от него ожидают. Следовательно, в большинстве своем мы имеем дело с эффектом **вербального** характера, посредством которого транслируется понимание (знание), а не **личностный (индивидуальный) смысл** заданного исследователем значения.

Очевидная **нечувствительность** социологических методов (преимущественно опроса) к замеру

смыслов продиктована обстоятельствами давящего эффекта **когнитивного диссонанса**, проецируемого автором исследования на испытуемого (респондента) и заведомо инспирирующего его на действие (выбор) рационального характера. Тогда как современная жизненная ситуация в ее «**турбулентном воплощении**» все чаще идет в отрыве от формулируемых традиционных постулатов и заменяется иррациональным выбором [7].

Таким образом, необходимость **нейтрализации** влияния самого исследователя на ход подготовки (программирования) исследовательского процесса и его последующей реализации представляется принципиальной. Речь идет, безусловно, не о физическом устранении исследователя, а о его «закадровом позиционировании». Не претендуя на логическую завершенность своей методико-процедурной альтернативы, отметим главное. Экспериментальные попытки решить ее с максимальной **нивелировкой** исследовательского влияния на процедуру замера оказались сравнительно успешными. Так, например, предложенный студенческой аудитории вопрос: «Кто ты?» был сформулирован в формате открытого, его цель была продиктована необходимостью знакомства преподавателя со студенческой группой. Опрос проводился в самом начале учебного года, когда первая встреча преподавателя со студентами логически оправдывала процедуру знакомства и не вызвала никаких дополнительных вопросов. Таким образом организованный опрос исключает **формализованный** перечень ценностей и шкал, а параллельно – **фиксированную установку** респондента относительно тематической направленности, целей и задач опроса. Респондентам предоставляется возможность свободной саморефлексии (когнитивного и эмоционального планов) и произвольной **формулировки ассоциаций**, спонтанно возникающих в его голове при необходимости репрезентации своей повседневной статусно-личностной определенности. Одновременно предполагалось, что студенты репрезентируют себя через сущностные **социальные роли**, принцип смысловой **коннотации** которых выведет нас на актуальный для поколения Z ценностный набор.

В итоге предложенный студентами **ассоциативный ряд** оказался не столь широким, чтобы говорить о его полной адекватности привычной модели базовых ценностей. По степени популярности в студенческой среде мы можем условно разделить эти ассоциации на три блока: **доминантный, популярный и периферийный**.

Доминирующими в контексте **разведывательного** исследования оказались всего две ассоциации: «я студент» (так позиционировали себя 66 % ре-

спондентов) и «я член семьи» (60 %) с инвариантами «дочь», «сын», «внучка», «жена», «муж».

Параллельно в числе **популярных** в студенческой среде остаются ассоциации, отражающие отношения **дружбы и любви**, «я друг» или «я любимая», «я любимый» (отметили 25 % респондентов).

Каждый третий выдвинул на передний план ассоциации ярко выраженной **индивидуалистической** направленности. Заметим, что данный сегмент раскололся на две эквивалентные по численности группы: с позитивной креативной амбициозностью, нацеленной на самовыражение и самоутверждение, типа «я самовыражающийся субъект» или «я субъект воли», «я личность», «я лидер» (так ответили 33 % опрошенных) и с негативной эгоистической направленностью, апеллирующей к отчужденности и одиночеству, например «я игрок», «я латентный социофоб», «я никто, одиночка», «я эгоист» (около 30 % суждений).

Одновременно в **периферийный** содержательный блок попали ассоциации, отражающие **патристическую** риторику (типа «я гражданин») и **национальную** идентичность («я белорус»). На это указал лишь каждый десятый, т. е. 10 % респондентов. Следует заметить, что **конфессиональная** идентификация «я православный» или «я католик» вообще не нашла отражения в ответах на вопрос: «Кто ты?» В связи с этим категоричность выводов о наблюдаемом религиозном буме в постсоветской Беларуси, свидетельствующем о том, что значительная часть населения, потерявшая прежние нормативно-регулятивные механизмы, обратилась к религии [8], может быть существенно дополнена с учетом выдвигающихся на авансцену социальных реалий поколения Z. Параллельно обсуждаемая идея формирования идеологии на базе параметров национальной идентификации представляется сегодня лишенной достаточных оснований. Одновременно не исключено, что именно данный факт является поводом, вполне достаточным для такой постановки вопроса.

При первичном, поверхностном взгляде на результаты первого (ассоциативного) этапа «разведки» с очевидностью следует вывод о том, что в ситуации **вольного и свободного** самоопределения представители интересующего нас молодежного сегмента – студенты эпохи цифровых технологий – непроизвольно резко **сужают** круг значимых для себя ценностей. В нашем эксперименте он фактически замкнулся на двух ведущих ассоциациях, связанных с выраженной **студенческой диспозицией и принадлежностью к родственным узам**. Можно предположить, что в первом случае речь идет о ценности **учебы, профессионального самоопределения, карьеры**, если подчеркнутый студенческий статус воспринимается как промежуточная

инструментальная ценность. Во втором, с большей степенью вероятности, речь идет о ценности семьи.

Несколько в отрыве от перечисленных ассоциаций стоят те, что отражают приоритетность позиционирования собственного я через отношения **дружбы** и **любви**, а также **самовыражения** и **самоутверждения**.

Сразу отметим, что произведенные нами **смысловые коннотации** в значительной степени тоже произвольны и оттого не лишены эффекта исследовательского допущения, нуждающегося в проверке. В конечном счете природа **важности для поколения Z** его студенческого статуса настолько **латентна**, что наше прочтение ее в плоскости учебы, профессиональной ориентации, профессиональной компетенции и последующей работы по профессии несколько уязвимо и гипотетично. Не исключено, например, что сами студенты связывают свою доминантную ассоциацию «я студент» совершенно с иными ассоциативными смыслами – периодом беззаботного существования, веселого времяпровождения, свободы самореализации и др.

Аналогичная ситуация и со смысловой определенностью ценности семьи для современного студенчества. С учетом, например, значительности векторного отклонения в направлении популярности **гражданских и гостевых браков, нежелания** иметь детей и **отрицания** обязательств по совместному ведению хозяйства, сложно говорить о приверженности традиционным нормативным алгоритмам регуляции семейных отношений и семьи как социального института. Кроме того, есть предположение о том, что семья, как определенным образом обозначенная ценность для современной генерации цифровых технологий, транслирует совершенно иной смысл – **адаптационный формат** выживания в сложных кризисных обстоятельствах, в которых поддержка родителей (материальная и моральная) играет принципиальное значение. Тогда речь идет о родительской семье, что совсем не обязательно переносится на свою в перспективе.

Резюмируя данные первого этапа «разведки», следует констатировать, что, несмотря на сравнительное **сужение** набора актуальных ценностей (в практике массовых социологических опросов их набор, как правило, исчерпывается 10–11, и все получают более или менее выраженный позитивный оценочный эквивалент), все же нельзя не отметить частичную **гомогенность** (однородность) результатов традиционной ценностной модели.

С одной стороны, на передний план выдвинуты традиционные ценности – учебы, семьи, дружбы, любви и самовыражения, самоутверждения. Отметим, что последние из перечисленных ценностей

занимают в нашем случае третью позицию. Если вспомнить, что ценности самовыражения и самоутверждения всегда находились на пике известной пирамиды А. Маслоу, то можно даже возрадоваться за наше поколение Z, идущее в авангарде прогрессирующей направленности общественного развития. При этом, однако, не следует забывать и о том, что, по мнению солидных американских аналитиков, успехи отдельных посткоммунистических стран в демократическом преобразовании общества связаны именно с приоритетностью ценностей **самовыражения** для наиболее активной части населения [9, с. 77].

С другой стороны, слабость **патриотической** риторики у поколения цифровых технологий имеет совершенно ясную и понятную всем природу. О каком патриотизме можно говорить в случае с поколением, рожденным и взращенным в обстоятельствах тотальной аномии, системной турбулентности и великих крушений и системным характером переоценки ценностей и истории в целом? Сопряженность этих двух параметров в ценностном мире поколения Z – **отсутствие патриотизма** и стремление к **самоутверждению** и **самовыражению**, да еще в целом ряде случаев (как показали замеры) посредством **власти** вызывает искреннее желание поразмышлять в данном направлении более глубоко.

Или, например, полное отсутствие озабоченности со стороны изучаемого сегмента своим **здоровьем**? Разве это не извинительный недостаток молодежи? Который очень скоро пройдет, как только прижмет!

Что касается периферийности **национального** и **религиозного самосознания**, то разве это не повод для нашего успокоения? Во всяком случае, это выглядит куда более оптимистично в сравнении с национальным экстремизмом и фашистской риторикой, доносящейся со стороны соседствующей Украины.

В связи с этим символично, что еще в 2002 г. украинский исследователь Е. Головаха писал: «Возможно, украинское общество явит миру пример, как можно неопределенно долго сохранять относительную социально-политическую стабильность в стране, где большинство населения деморализовано и “аморализовано”, и посрамит мнение теоретиков, утверждающих, что неизбежен “нормативный взрыв”, связанный с социальными потрясениями и авторитарным правлением» [10, с. 22]. Сегодня мы можем констатировать, что иллюзии исследователя не оправдались. Нормативный взрыв заявил о себе со всей определенностью, причем в самых крайних, **радикальных** формах.

Одним словом, все можно оправдать и увязать в логически стройную систему. Кстати говоря, впол-

не гармоничную всему предшествующему опыту исследовательских изысканий в сфере ценностного мира нашей молодежи, хотя и содержательно более **ограниченную**. И тем не менее остается нечто недосказанное, стимулирующее продолжить этот сложный поиск смысловых нюансов ценностей, сформулированных поколением Z.

Мотивированный исключительно познавательным интересом второй этап разведывательного исследования имел своей целью **тестирование** уже задействованных в эксперименте студентов для **операционализации смыслов**, транслируемых ими в выраженных на первом этапе ассоциативных предпочтениях. В итоге была разработана тестовая методика, позволяющая снивелировать **реактивность** социологического инструментария за счет **акцентуализации** внимания респондентов на наборе суждений **позитивного** и **негативного** характера по отношению к содержанию представленного в таблице ценностного ряда (с точки зрения его традиционного нормативного прочтения). Процедура аспекта подбора суждений включал в себя ряд **принципиальных** методико-процедурных моментов.

Во-первых, суждения подбирались с предварительной **редукцией** их формулировок до уровня **повседневной студенческой лексики**. Проблема решалась на основе включенного наблюдения за студенческой аудиторией (исполнители темы – преподаватели учреждения высшего образования, непосредственно контактирующие с объектом исследовательского интереса) и фиксации наиболее **популярных** в студенческой среде **формулировок**.

Во-вторых, суждения подбирались с точки зрения их **позитивной** (соответствующей традиционной нормативной модели) или, напротив, **негативной** (идущей на раскол традиций) «настроенности» на обозначенные базовые ценности. Каждая из базовых ценностей процедурно **ретранслировалась** шестью суждениями (три позитивных и три негативных). Итоговая **индексная значимость** ценности подсчитывалась как средняя арифметическая взвешенная (исходя из смысловой тональности суждения).

В-третьих, отобранные для исследования суждения (30) были скомпонованы в инструментарии по принципу **хаотичности**, без группировок в соответствующие смысловые блоки обычной социологической анкеты.

В-четвертых, никаких обязательных преамбул, объясняющих цели, задачи исследования, процедура опроса не предполагала. Студентам просто предлагался набор суждений с просьбой выразить свое отношение к ним.

В-пятых, процедура оценки суждений предполагала **четырехбалльную шкалу**: «полностью со-

гласен», «скорее согласен», «скорее не согласен» и «категорически не согласен» без альтернатив «затрудняюсь ответить» или «отношусь нейтрально».

Все перечисленные процедурные аспекты методики, ориентированные на оценку суждений в отрыве от их **инструментально-операционального** значения (оставались за кадром для респондентов), имели смысл лишь в одном – понизить **реактивность** социологического инструментария и стимулировать респондента к **аутентичности** его поведенческой реакции.

Для большей ясности и четкости изложения представим отобранные для эмпирической верификации тестовые суждения, сгруппировав их по смысловым блокам. В оригинале, напомним читателю, они были представлены респонденту в **хаотичном** формате. В итоге респонденты погружались в пространство артикулируемых смыслов, с которыми они должны были согласиться или не согласиться.

Прежде чем оценить смысловое пространство суждений, отметим главное. В данном случае речь идет лишь о той группе ценностей, которые объективированы первым (разведывательным) этапом исследовательского поля. То есть задача апробации методики касалась лишь тех ценностей, коннотационный смысл которых угадывался (или прочитывался) в полученном перечне артикулируемых студентами ассоциаций. Таким образом, задачи второго этапа были, с одной стороны, ограничены пятью наиболее значимыми (с точки зрения поколения Z) ценностями, а с другой стороны, были ориентированы на проверку разрешающей способности теста с точки зрения последующей дифференциации респондентов по критериям смысловой верификации обозначенного ценностного ряда.

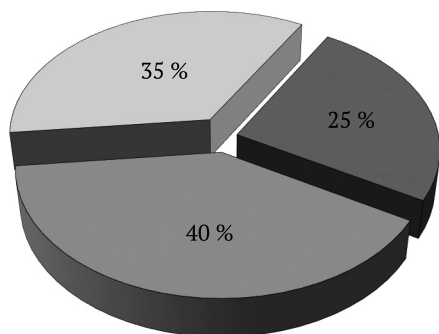
В идеале, однако, перспективы исследовательского поиска должны быть расширены на весь спектр базовой ценностно-нормативной модели.

С учетом факта **нечувствительности** социологического инструментария к той «подлинной бездне смысла» [11, с. 115], которая лежит между сознанием и реальностью, появляется соблазн понять природу не только транслируемых ценностей, но и тех, что остались вне студенческой артикуляции на первом пробном этапе исследовательской «разведки».

Параллельно, предполагая вероятность «взрыва традиций» и наличие ценностного конфликта как внутри поколения Z, так и вне его, смысловая их операционализация имеет принципиальное значение в поисках пространства смысловых совпадений или смысловых ожиданий как регулирующей основы консолидации общества и выявления возможных точек опоры на рубеже **перезагрузки** кода новой культуры.

Смысловое пространство суждений, представленных поколению Z для оценки (фрагмент теста)
Semantic space of judgments suggested to Z generation for estimation (test fragment)

Суждения, предложенные респондентам				
Контекст: учеба	Контекст: семья	Контекст: самореализация	Контекст: самоутверждение	Контекст: дружба, любовь
• Я здесь ради диплома, а не ради профессии. • Студенческие годы хороши своей безмятежностью. • Меня не волнует, буду ли я работать по профессии. • Основная проблема сегодня – наличие работы по профессии. • Для меня главное – учеба и приобретение профессиональных навыков. • Я честно готовлюсь к экзаменам и переживаю за результат.	• Главное для счастья – это крепкая семья. • Дети – это очень обременительно. • Гражданский брак – это современно и круто. • Верю в брак, основанный на расчете. • Признаю лишь официальный брак, с печатью в паспорте. • Главный смысл брака – рождение и воспитание детей.	• Для меня важна творческая работа, где можно проявить себя. • Личность – это способность оставаться собой. • Сейчас не то время, чтобы выделяться, особенно на работе. • Главное, чтобы хорошо платили. • Я всегда стремился проявить себя в деле. • Никогда не стремился достичь лучшего, чем есть.	• Для меня очень важно признание окружающих. • Жизненный успех я связываю с властью. • Личность – это высокий карьерный рост. • Никогда не стремился делать карьеру. • Главное – это связи, а не мнение окружающих. • Важно, чтобы тебя ценили как профессионала.	• Любовь – это секс и ничего больше. • Без настоящей любви жизнь теряет смысл. • Всякая любовь существует столько, сколько она заслуживает. • Я не верю в искренность дружбы между людьми. • Я не представляю жизни без настоящих друзей. • Дружба – это самоотдача.

Типология поколения Z по критерию оценки традиционной модели ценностей:
 ■ – «включенные» респонденты, представляющие область традиционных значений; ■ – «исключенные» респонденты, находящиеся за порогом традиционных значений;
 ■ – «пограничные», т. е. респонденты, стоящие у порога традиционной модели ценностей
 Typology of Z generation by criterion of continuity of traditional model of values

Результаты тестирования свидетельствуют о правомерности гипотезы относительно внутриспоколенческого **раскола** нормативной ценностной модели по критерию смыслового прочтения базовых ценностей. Эмпирическая верификация смыслов, вкладываемых различными группами студентов поколения Z в актуальный для них набор ценностей, фиксирует три доминантных сегмента, типологизированных по критериям **включенности** в традиционный нормативно-ценностный контекст, **исключенности** из него и **пограничья** (см. рисунок).

Прежде чем говорить о специфике каждого из выделенных типов, обратим внимание на их про-

порциональное соотношение. По результатам разведывательного этапа очевидно, что включенный в традиционную модель базовых ценностей сегмент оказался **сравнительно минимальным** и эквивалентен 35 %. Самым выразительным (40 %) стал сегмент, **категорически отрицающий** все нормативно традиционные правила общежития. Наконец, третий сегмент позиционируется нами в промежуточном интервале перехода от первого типа ко второму в силу своей **раздвоенности** и **неопределенности** позиций (25 %).

Он отмечен амбивалентностью и плюралистичностью смысловых идентификаций, объединяющих в себе как позитивный в отношении традиционной ценностной модели смысловой спектр («включенные» респонденты), так и негативный по отношению к устоявшейся в традициях нормативно-ценностной модели смысловой спектр («исключенные» респонденты). Относительно двух предыдущих типов «пограничные» отмечено меньшей категоричностью: «скорее согласен» или «скорее не согласен». Таким образом, регистрируется тяготение данного типа к обоим центрам влияния.

Попытки типологизации поколения Z носят предварительный характер и требуют проверки на более солидном (в количественном отношении) массиве данных. Представленные и анализируемые нами результаты основаны на итогах **качественного** исследования **разведывательно-экспериментального** характера, направленного на повышение чувствительности социологического инструментария в контексте решения проблемы методико-процедурного обеспечения задач исследовательского проекта и проверки его гипотез.

Тем не менее анализируемые результаты позволяют констатировать правомерность наших предположений о **расколе** поколения Z на три самостоятельных сегмента с точки зрения специфики их позиционирования в смысловом пространстве базовых ценностей.

Эту очевидную оторванность подавляющей части современных студентов от традиционной нормативно-ценностной модели сложно интерпретировать с позиции «отклоняющегося поведения» ввиду его **доминантного** и **демонстративного** характера. Более того, самому определению «отклоняющийся сегмент» имманентно свойственна оптимистическая надежда на его ближайшую коррекцию. По правде говоря, шанс, потерянный навсегда!

С учетом векторной смысловой представленности (рисунок) «отклоняющимся» сегодня следует считать как раз тот вектор, который остается в смысловых рамках традиционной модели ценностей. Оказавшись в меньшинстве, они остаются **отчужденными** от социума с его развалившимся ценностным миром, неопределенностью идеалов и отсутствующими стратегиями туманного продвижения вперед, в том числе и идеологическими.

Затянувшаяся турбулентность окружающего мира загоняет эту чудом сохранившуюся в традиционном нравственно-этическом поле часть молодежи в формат **замкнутости** и **индивидуализации** своих интересов, ограничивая ее рамками семьи. Наши попытки добиться предельной искренности и правдивости саморефлексий именно от данного сегмента поколения Z подсказали еще один вариант методического решения проблемы. Мы предложили включенным в традиции нормативно-ценностной модели респондентам завершить предложение «Я ощущаю себя вполне счастливым, когда...».

Ответы оказались удивительно **однородными** (внутри группы) по своей смысловой определенности. Вот только некоторые из набора типичных: «Я ощущаю себя вполне счастливым, **когда все хорошо складывается у меня и у моих близких**», «...**все мои близкие люди здоровы**», «...**чувствую взаимопонимание и любовь родных людей**», «...**нахожусь в кругу близких**».

Для сравнения тот же вопрос, но адресованный сегменту исключенных из отечественных традиций прочтения базовых ценностей, не удивляет своей принципиально иной типичностью: «Я ощущаю себя вполне счастливым, **когда свободен от дел**», «...**занимаюсь тем, чем хочу**», «...**когда появляется возможность уехать за рубеж**».

С учетом того факта, что геополитическая специфика Беларуси как пограничья стратегически тяготеет к обоим полюсам – Западу и Востоку, а в отдельных теоретических обоснованиях западной социологии ее перспективу все настойчивее связывают с присоединением к Западу при сохранении независимости в самостоятельном принятии решений, обозначенные ориентации данного молодежного сегмента имеют осязаемую подпитку. При этом варианты силового решения проблемы не исключаются [12, с. 213].

Индивидуализация сознания поколения Z, невзирая на его очевидный раскол по существу, не станет особым откровением для кого-либо. Как не станет откровением и то, что значительную ее часть («исключенные» респонденты) мы уже потеряли, за другую («пограничье») можно побороться, а третью («включенные» респонденты) надо просто не упустить. И чем раньше мы это сделаем, тем больше шансов удержать на плаву тот «корабль», который до сих пор блуждает в пучине безбрежного «океана» в поисках своей «гавани».

Библиографические ссылки

1. Шамис Е. В каких условиях растет поколение Милениум и Z и что станет их ценностями [Электронный ресурс] // Теория поколений в России. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Поколение_Z (дата обращения: 05.03.2017).
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. М., 2010.
3. Никольский С. А. Горизонты смыслов. Философские интерпретации отечественной литературы XIX–XX веков. М., 2015.
4. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М., 2003.
5. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013.
6. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М., 2016.
7. Зафировский М. Вне рационального выбора: элементы теории иррационального выбора // Социол. исслед. 2014. № 3. С. 19–28.
8. Новикова Л. Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков: тенденции и особенности проявления: социологический аспект. Минск, 2001.
9. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные ценности и демократия. Последовательность человеческого развития. М., 2011.
10. Головаха Е. Феномен «аморального большинства» в постсоветском обществе: трансформация массовых представлений о нормах социального поведения в Украине // Мониторинг обществ. мнения: эконом. и соц. перемены. 2002. № 6 (62). С. 20–22.
11. Гуссерль Э. Картезианские размышления. М., 2001.
12. Мурадян Е. С., Сальникова С. А., Титаренко Л. Г. и др. Динамика ценностно-нормативной системы и жизненные шансы: опыт постсоветской трансформации в Пограничье. Вильнюс, 2014.

References

1. Shamis E. V kakikh usloviyakh rastet pokolenie milenium i Z i chto stanet ikh tsennostyami. Teoriya pokolenii v Rossii. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Pokolenie_Z (date of access: 05.03.2017) (in Russ.).
2. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskii portret. 2nd ed. Moscow, 2010 (in Russ.).
3. Nikol'skii S. A. Gorizonty smyslov. Filosofskie interpretatsii otechestvennoi literatury XIX–XX vekov. Moscow, 2015 (in Russ.).
4. Shyutts A. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii. Moscow, 2003 (in Russ.).
5. Aleksander Dzh. Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tursotsiologiya. Moscow, 2013 (in Russ.).
6. Toshchenko Zh. T. Sotsiologiya zhizni. Moscow, 2016 (in Russ.).
7. Zafirovsky M. Beneath rational choice. Elements of irrational choice theory. *Sotsiologicheskie issled.* 2014. No. 3. P. 19–28 (in Russ.).
8. Novikova L. G. Religioznost' v Belarusi na rubezhe vekov: tendentsii i osobennosti proyavleniya: sotsiologicheskii aspekt. Minsk, 2001 (in Russ.).
9. Ingkharth R., Vel'tsel' K. Modernizatsiya, kul'turnye tsennosti i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. Moscow, 2011 (in Russ.).
10. Golovakha E. The phenomenon of «amoral majority» in the Post-soviet society: transformation of mass beliefs about social behaviour norms in Ukraine. *Monit. obshchestvennogo mneniya: jekon. i social'nye peremeny.* 2002. No. 6 (62). P. 20–22 (in Russ.).
11. Gusserl' E. Kartezinskie razmyshleniya. Moscow, 2001 (in Russ.).
12. Muradyan E. S., Sal'nikova S. A., Titarenko L. G., et al. Dinamika tsennostno-normativnoi sistemy i zhiznennye shansy: opyt postsovetskoï transformatsii v Pogranich'e. Vil'nyus, 2014 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 17.02.2017.
Received by editorial board 17.02.2017.